

УДК 94(47).083

DOI: 10.24412/2070-9773-2026-6234-115-120

Дата поступления (Submitted) 29.05.2026

Дата принятия к печати (Accepted) 17.06.2026

## Воспитание и образование в публицистике В.А. Грингмута в контексте теории модернизации

**ВАДИМ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ИЗГАГИН**

кафедра истории России XIX - начала  
XX вв. МГУ имени М.В. Ломоносова  
Московский государственный  
университет имени М.В. Ломоносова  
119234, Ломоносовский проспект, 27,  
корпус 4, Москва  
e-mail: vad.izgagin@yandex.ru

**Аннотация:** Во второй половине XIX в. в России начался интенсивный процесс модернизации, которая радикально изменила социальный и экономический строй в Российской империи. Новая эпоха вызвала к жизни необходимость всеобщего (массового) образования. Также она поставила под вопрос господство ценностей доиндустриальной эпохи, таких как православие и самодержавие. Кризис мировоззрения создавал дополнительное напряжение в обществе, непонимание многими своего места в нем. Дух времени требовал новых ценностей. В этих условиях видный идеолог российского консерватизма черносотенного толка В.А. Грингмут и его последователи стремились использовать нарождающуюся систему всеобщего образования для сохранения господства традиционных ценностей. Ими была разработана комплексная система воспитания и образования верных престолу и Отечеству подданных.

Понимая, что полностью отменить практики общества модерна невозможно, консерваторы стремились поставить их под контроль. Осуществлять его планировалось путём правильного обучения грамоте в школах и гимназиях, системой надзора над университетами. Целью было воспитание верных подданных. Однако, процесс модернизации вызвал необратимые изменения в устройстве российского государства и общества. Провал консервативного проекта В.А. Грингмута и «чёрной сотни» был неизбежен.

**Ключевые слова:** консерватизм, черносотенство, модернизация, православие, самодержавие, образование, грамотность, крестьянство

## Education and Upbringing in the Journalism of V.A. Gringmut within the Context of Modernization Theory

**VADIM VYACHESLAVOVICH IZGAGIN**

Department of Russian History of the 19th-early 20th Centuries,  
Lomonosov Moscow State University  
Lomonosov Moscow State University  
119234, Lomonosovsky Prospekt, 27, building 4, Moscow  
e-mail: vad.izgagin@yandex.ru

**Abstract.** In the second half of the nineteenth century, Russia underwent an intensive process of modernization that radically transformed the social and economic structure of the Russian Empire. The new era generated a demand for universal mass education and simultaneously challenged the dominance of traditional pre-industrial values, such as Orthodoxy and autocracy.

The crisis of worldview created additional tension in society, leaving many confused about their place in it. The spirit of the times demanded new values. Under these circumstances, the prominent ideologue of Russian conservative Black-Hundred thought, Vladimir Andreevich Gringmut, together with his followers, sought to employ the emerging system of universal education as a means of preserving the supremacy of traditional values. They developed a comprehensive system of upbringing and education aimed at cultivating subjects loyal to the throne and the Fatherland.

Recognizing that the practices of modern society could not be entirely abolished, conservatives attempted to place them under strict control. This control was to be exercised through supervision over literacy instruction in schools and gymnasiums, as well as through a system of oversight of universities. The ultimate objective was the formation of subjects loyal to both the throne and the Fatherland. However, the process of modernization produced irreversible transformations in the structure of the state. Consequently, the failure of the conservative project advanced by V.A. Gringmut and the Black Hundreds proved inevitable.

**Keywords:** conservatism, Black Hundreds, modernization, Orthodoxy, autocracy, education, literacy, peasantry

В начале XX в. российские консерваторы лихорадочно искали способы сохранения традиции, когда её важность была поставлена под сомнение наступившей эпохой модерна. Одним из путей достижения цели русские правые считали патриотическое воспитание и образование детей, юношества, студенчества.

Образовательный вопрос имел решающее значение, так как Русская монархическая партия в частности, и черносотенное движение в целом, были прототипами будущих политических движений XX века, ставившим себе мессианские цели («партии нового типа»). Одна из них - воспитание юношества и студенчества в духе патриотизма и, таким образом, смена ре-

волюционной и либеральной политической повесток на консервативную. На кону было сохранение традиционного политического и социального уклада Российской империи.

Теоретической базой исследования послужила классическая теория модернизации, сформулированная У. Ростоу [2], Т. Парсонсом [3], Д. Лернером [4], Д. Беллом [5] в 1950-1960-е гг. в США. Нам представляется уместным причислить к этой плеяде Э. Геллнера [6]. Современные критики теории указывают на её европоцентричность, однако, в нашем случае это не препятствие для исследования, так как Российская империя во второй половине XIX века была неотъемлемой частью европейской цивилизации.

Согласно теории модернизации, история обществ разделяется на аграрный, индустриальный и постиндустриальный периоды. Характерная черта индустриального общества – смена сословной и общинной структур аграрного уклада более аморфными и гибкими структурами: классами, политическими партиями, профессиональные союзы и пр. На наш взгляд подобная схема применима к политической и общественной ситуации в России пореформенного периода. Мы полагаем, что Русская монархическая партия (и «чёрная сотня» в целом) – классический пример консервативной политической силы эпохи Нового времени в Европе. В Российской империи с 60-х гг. XIX в. растущая информированность общества заставила население обратить большее внимание на политику, заинтересоваться ею. Сам по себе консерватизм, как политическое движение – продукт эпохи модерна. В российских условиях он отстаивал традиционные ценности аграрного общества: примат поземельных сословий – «опор престола» – дворянства и крестьянства; критика индустриализации и секулярных ценностей; примат религиозных ценностей над светскими; сосредоточенность на фигуре единоличного правителя. Обеспечить их торжество должна была правильно организованная система школьного и университетского образования и воспитания. В.И. Ленин (современник черносотенцев) определял суть их программы следующим образом: «Черносотенцы <...> хотят не «конституции 17-го октября», как гг. Гучковы, а сохранения и формального восстановления самодержавия» [7, с. 26].

Источниковой базой исследования послужила публицистика российского консервативного публициста В.А. Грингмута, посвящённая вопросам школьной политики и воспитания молодёжи.

Ключевые статьи публиковались в газете «Московские ведомости». В ней систематически обсуждались проблемы классического гимназического образования, преподавания древних языков, дисциплины в школе и роли государства в образовательной политике.

Нам представляется уместным рассмотреть отношение «чёрной сотни» и В.А. Грингмута (Русской монархической партии) к народному образованию в контексте теории модернизации (модерна). Активное постулирование Грингмутом («чёрной сотней») своего отношения к образованию пришлось на период попыток внедрения в России всеобщего начального обучения [8, с. 625-626]. Это закономерное явление, поскольку новые индустриальные производства в условиях экономической и социальной модернизации не могли обойтись без системы всеобщего стандартизированного образования. Грингмут и «чёрная сотня» верно уловили суть момента.

Интерес к проблемам образования со стороны русских правых понятен. В новых условиях общества эпохи модерна сохранить традиционные ценности консерваторов (см. выше) можно было только через

воспитание юношества посредством нарождавшейся в России системы всеобщего обучения (образование вторично). Поэтому уже во второй половине XIX в. тема борьбы с революционной «крамоллой» в стенах школ стала одной из ключевых для российских консерваторов. Известная консервативная организация эпохи правления Александра III «Священная дружина» заявляла: «Государственная Полиция обязана предъявить учебному ведомству имеющиеся данные о их политической неблагонадёжности; она должна ясно формулировать свои в этом отношении требования, а никак не составлять целую систему нераздражения школьной крамолы, в надежде, что через полтора года эта крамолы выдаст ей своих главарей, т.е. другими словами дать время и лёгкую возможность из наших высших школ и фабричного населения составить сплошную крамольную массу» [9, л. 18об-19].

Следует отметить, что в пореформенное время ключевое значение школы понимали не только консерваторы, но и их противники. Тезис В.И. Ленина о построении нового социалистического общества при помощи учительских кадров имеет долгую историю. М.Ф. Де-Пуле (публицист «катковского круга») рассуждал о вредном влиянии нигилистов и «новых людей» на российскую школу в 1860-е гг.: «Завоевание школы наши нигилисты не без основания считали главнейшею своею задачей, даже более важною чем завоевание семьи или развитие женщин. Под именем «школы» здесь надо понимать русские учебные заведения, средние и высшие. «Когда взята школа, говорит Писарев, тогда победа упрочена, таракан пойман... Взятие школы составляет важнейший результат и драгоценный плод победы. **Взять школу значит упрочить господство своей идеи над обществом...**» (выделено мной – В.И.) Школа везде и всегда составляет самую крепкую и неприступную цитадель всевозможных традиций» [10]. Таким образом, в одном русские правые и их противники сходились: в понимании ключевой роли образования юношества для будущего России. Это говорит о господстве мировоззрения эпохи модерна в России во второй половине XIX в.

Взгляды Грингмута по вопросу образования сформировались в период его преподавания в Лицее цесаревича Николая (Катковский лицей), имевшего элитный статус [11, с. 9, 215]. Свою основную миссию он видел в преобразовании общественных настроений через систему образования и воспитания, ставя последнее во главу угла [12, с. 284-288]. Речь шла не просто о воспитании юношества, но о «воспитании народа» в духе самодержавия и православия. Подобная цель также позволяет отнести Русскую монархическую партию к «партии нового типа», к прототипу будущих массовых партий XX века, ставивших себе мессианские задачи.

Дадим определение «партии нового типа». Согласно М. Дюверже [13, с. 116-123] – это массовые партии индустриальной эпохи, т.е. партии не кадровые (состоящие из членов-нотаблей), но вербующие себе сторонников среди широких слоёв населения. Отметим, что «чёрная сотня» была самой массовой политической силой периода I Русской революции. По разным оценкам общее число черносотенцев составляло около 500 тысяч человек [14, с. 71-87].

Такие политические силы понимали значимость образования в новых условиях модерна как никто другой. Например, В.И. Ленин – основатель первой пришедшей к власти партии такой формации (РСДРП (б)) писал: «Учительская армия должна поставить себе гигантские просветительские задачи и прежде всего должна стать главной армией социалистического просвещения... Учительство должно слиться со всей

борящейся массой трудящихся. Задача новой педагогики — связать учительскую деятельность с задачей социалистической организации общества» [15, с. 420].

В.А. Грингмут приводит следующее указание Николая II: «Особое внимание должно быть обращено на изыскание способов к поднятию *религиозно-нравственного* и вообще *воспитательного* воздействия школ всех типов на учащихся, а также на укрепление в них *преданности русской государственности и народности*» [11, с. 209]. Существование России ставилось в зависимость от правильного воспитания в школе: «Если мы не хотим погибнуть на манер Польши или Турции, мы, русские, должны отстоять коренную Россию — для русских, русскую школу — для русских, права русской государственной школы — для русских» [16, с. 382].

Черносотенцы декларировали свою готовность ни много ни мало взять на себя ответственность за дело воспитания молодёжи (и всего народа) в «истинно русском» духе, отменяя все сомнения. Это была поистине мессианская задача, которую они так и не смогли осуществить. «Задача заключается в том, чтобы сохранить, укрепить и развить нравственность народа. Эту задачу ставит себе Церковь как в храме Божием, так и в непосредственно соединённой с ним и одухотворяемой им школе» [17].

Повторимся: и русские правые, и русские левые понимали исключительно важное значение образования и воспитания, ставя их на один уровень с существованием государства. А.С. Пшегорский отмечал, что «при ближайшем рассмотрении становится ясно, что для последнего (В.А. Грингмута — В.И.) вопрос о воспитании и образовании юношества являлся не просто одним из важнейших вопросов будущего России, но также мыслился им как составная часть более обширного и масштабного проекта попечения о народе и обществе» [18, с. 17]. Важность образования в государственном бытии не является чем-то уникальным в Европе со второй половины XIX в. Франко-прусскую войну, по известному выражению, выиграл прусский школьный учитель, то есть система стандартизированного образования, роль которой особенно возрастает на рубеже веков.

Парадоксальным в связи со сказанным выглядит отношение В.А. Грингмута к вопросу о народной грамотности. С одной стороны, он ратовал за воспитание учащихся и народа в духе патриотизма, православия и верности самодержавию. С другой, отрицательно относился к увеличению уровня грамотности населения России. Однако, парадокс здесь только кажущийся. Дело в том, что высокий уровень грамотности был напрямую связан, в понимании черносотенцев, с распространением крамольных идей, чего Грингмут и «чёрная сотня» допустить не могли: «Простая... грамотность, без религиозно-нравственного просвещения, может быть желательна лишь таким революционерам, как господин Струве, который радуется, что «в настоящее время стало возможным распространение сотен тысяч изданий революционной прессы в народной массе, благодаря лишь тому, что среди народа значительно распространилась грамотность» [19, с. 69]. В данном отрывке Грингмут расставил приоритеты: воспитание (религиозно-нравственное просвещение) первично, грамотность (образование) — вторично. Иначе говоря, грамотность должна была служить целям воспитания благонадёжных подданных императора.

Важно отметить, что сама постановка вопроса о «вреде» народной грамотности демонстрирует слабость позиций чёрной сотни в народной среде. Несмотря на то, что Грингмут на страницах «Московских ведомостей» писал о неустойчивости позиций крамолы среди крестьян, его беспокойство о возможном вреде всеобщего обучения чтению и письму говорит об об-

ратном [17].

Фактически, он утверждал, что низкий уровень грамотности крестьян выгоден черносотенцам: таким образом крестьянство можно было уберечь от революционной и либеральной пропаганды. Нужно отметить, что в данном случае Грингмут не был новатором. Подобные взгляды высказывал обер-прокурор Святейшего Синода К.П. Победоносцев: «Характерна и суть претензий, которые, как вспоминал Куломзин, высказал Победоносцев, получив в руки проект устава Российского общества ревнителей просвещения народа: «Что это такое? Рядом с Министерством народного просвещения образуется особое частное общество специально для развития народных школ? Это или особое ведомство, или попытка выхватить из рук правительства народную школу». То есть, заключал Куломзин, разработчики проекта устава выставились как «революционеры, готовые ниспровергнуть устои государства»» [20, с. 62]. Прямо указывается на то, что народное просвещение — прерогатива государства, а попытки развивать его «частным» образом — это подрыв государственных устоев революционерами. Националист М.О. Меньшиков утверждал: «Обучить как можно больше народа грамоте, как можно больше людей оторвать от чёрного труда, как можно больше простаков втянуть в чтение еврейских газет и брошюр, заразить <...> все простонародье отрицательным отношением к жизни, социальной завистью и недовольством судьбой — вот программа наших либеральных просветителей» [16, с. 387-388].

Из приведённого отрывка следует, что «чёрный труд» неграмотных людей для русских националистов предпочтительнее, чем обучение грамоте «простаков». Причина — опасность распространения взглядов «либеральных просветителей». В данном случае Меньшиков, как и Грингмут, фактически признается в неспособности правых противостоять либералам и революционерам в условиях народной грамотности.

Таким образом, обучение грамоте, могло осуществляться только под контролем правительства и было вторичным по отношению к религиозно-нравственному воспитанию [17].

Более того, «Московские ведомости» в период редакторства Грингмута утверждали, что без высокого уровня грамотности можно было обойтись (ради сохранения благонамеренности): «<...> наша русская действительность показывает, что довольно значительные хозяйственные успехи могут быть достигаемы несмотря на все затруднения, порождаемые невысоким уровнем народного просвещения» [17]. Утверждение спорное, поскольку в условиях пореформенной индустриализации требовались грамотные, квалифицированные рабочие кадры. На страницах газеты звучал тезис о том, что неграмотность не мешала «процветанию» крестьянства ещё в дореформенное время: «...несколько десятилетий тому назад уровень образования крестьянской массы был неизмеримо ниже современного; почему же, и каким образом эта крестьянская масса, будучи тогда повально-безграмотною, тем не менее не только не проявляла упадка экономического благосостояния... Порядком, довольством и благосостоянием отличалась в дореформенную эпоху жизнь государственных крестьян» [17].

Возникает вопрос: каким образом Грингмут собирался претворять в жизнь свою программу без использования грамотности? Ответ — через наглядную агитацию. Он взял на вооружение воздействие на образное мышление и чувства. В качестве примера приведём концепцию о «единении Государя с народом у красного крыльца Кремля»: «Появись завтра Царь в Московском Кремле на Красном Крыльце, Он вызвал бы такой небывалый подъём народного восторга, что пред этим

величавым, стихийным явлением **сама собою** (выделено мной – В.И.) сгинула бы всякая крамола» [21, с. 338]. Подобные утверждения в реалиях начала XX в. выглядели наивно, но Грингмут использовал подобную риторiku, рассчитывая на отклик простых людей. А.С. Пшегорский и Е.А. Сучалкин в статье «К особенностям символики черносотенцев во время Первой русской революции (на примере Русской Монархической партии)» проанализировали визуальную и церемониальную сторону черносотенной агитации [22]. Р. Уортман в классической монографии «Сценарии власти» даёт следующую характеристику властной репрезентации Николая II: «Николай претендовал на непосредственную, но невидимую духовную связь с народом - на общее благочестие, сохранившееся, как ему представлялось, со времён Древней Руси. С начала XX в. Николай стал появляться перед народом и среди народа, чтобы продемонстрировать эту связь и конкурировать с оппозицией за народную поддержку. В публичных демонстрациях набожности Николай переживал общение с народом, когда молился вместе с ним» [23, с. 494]. Таким образом, Грингмут действовал в русле концепции воспитания народа, исходившей от самого императора, чтобы конкурировать с оппозицией. Повторимся, что в реалиях начала XX в. такая метода была наивной и работала далеко не всегда.

Вывод: важна не грамотность сама по себе, а то, для каких целей она необходима. Возможность её неблаговидного использования в революционной пропаганде привела черносотенцев к мысли о том, что правильное воспитание в народной школе первично, а без всеобщей грамотности можно обойтись [24, с. 2].

Отметим, что такой постановкой вопроса Грингмут противопоставлял черносотенцев логике происходивших в России экономических, социальных и политических модернизационных процессов, обрекая себя и своих единомышленников на поражение.

Однако, он шёл ещё дальше в своей заботе о попечении народа, доказывая тезис о вредности высшего гуманитарного образования. Предполагалось, что получение таких знаний предполагает расширение политического кругозора, то есть известное вольномыслие. Поэтому упор должен был делаться на получении практических навыков, которые прививали правильное, с точки зрения черносотенцев, мировоззрение. Обучение народа полезным ремёслам было одним из программных пунктов черносотенных организаций. Объявлялся «примат <...> практических знаний и навыков над общим образованием» [25, с. 27].

Поскольку прямо заявить о полной ненужности высшего (преимущественно, гуманитарного) образования в России не смели даже черносотенцы, они предложили готовить будущего благонамеренного студента в гимназиях [11, с. 207]. Таким образом, это была ещё одна функция юношеского воспитания: подготовка не просто будущего верного подданного, но верноподданного учёного. Правые консерваторы, повторимся, верно чувствовали требования момента: поскольку полностью сохранить традиционные устои аграрного общества в условиях модернизации невозможно (хотя весьма желательно), нужно, чтобы её осуществляла благонамеренная научная элита посредством благонамеренных народных масс [11, с. 48].

На проблему вольномыслия студенчества обращали внимание ещё публицисты круга М.Н. Каткова. И.Ф. Цион не сдерживал эмоций: «...развратители юношества, которые в стенах университетов и на столбцах журналов систематически вливали в молодые умы яд и сознательно, из-за пошлой популярности, губили целые поколения... русского юношества» [26].

Решение проблемы «чёрная сотня» видела в си-

стематических занятиях научной деятельностью в гимназиях и университетах. Особое внимание уделялось изучению дисциплинирующих ум древних языков (греческий и латынь) [11, с. 209-210]. В результате выпускник гимназии должен был прежде всего обладать не обширными познаниями в классических языках и древнеримской истории, а смотреть на современную ему ситуацию и на историю страны с русской национальной точки зрения. Таким образом решалась двоякая задача: во-первых, готовилась благонамеренная научная элита; во-вторых, сам процесс занятий наукой не оставлял времени для «брожения умов». Как отмечал А.А. Иванов, анализируя точку зрения публициста С.Н. Сыромятникова: «Россия должна быть «не для всех русских», а лишь для государственно мыслящих и патриотично настроенных» [27, с. 109]. Подготовить таких русских людей должны были правильно ориентированные школа и университет.

Следовательно, подготовленный в гимназиях студент должен был стремиться в первую очередь к изучению наук [11, с. 207] и ни к чему иному: «В этом случае и русские университеты должны непременно стоять на том же уровне, на котором стоят лучшие европейские университеты, а именно университеты Германии, Франции и Англии. Эти университеты стоят высоко в научном отношении не только потому, что в них учат хорошо подготовленные профессора, но главным образом потому, что в них учатся специально подготовленные к научным занятиям студенты. В этой специальной гимназической подготовке будущих студентов заключается вся сила европейских университетов, вся сила европейской науки» [11, с. 48].

Однако, существовала проблема: нехватка благонадежных преподавательских кадров среди профессуры. Влияние и сила либерально настроенных кругов научной элиты были велики: «Самое грустное, самое тревожное явление нашего времени заключается вовсе не в том, что большее или меньшее количество студентов бросили учиться, а в том, что нашлись взрослые люди, которые радуются этому прискорбному явлению, которые восторгаются «солидарностью» проявляемую студентами в поправлении интересов науки, которые поощряют студентов к дальнейшему упорству в их беззаконных и вредных увлечениях» [28]. «Это новое учение, новое измышление интеллигентной России, распространяемое под названием марксизма, проповедуется не тайно, не под спудом, не в запрещённых русских изданиях, печатаемых за границей. Его проповедуют гласно так называемые русские учёные русскому юношеству, которое воспитывается на теориях и началах эволюции» [29]. Так, например, часть профессоров поддержала студенческие волнения в Санкт-Петербурге в феврале 1905 г. Ситуация была настолько серьёзной, что стала темой Всеподданнейшего доклада министра народного просвещения В.Г. Глазова Николаю II. В докладе он привёл заявление профессуры: «До тех пор, пока административный произвол вырывает все новые и новые жертвы, как из среды студенчества, так и остальных русских граждан, пока общественная совесть оскорбляется фактами нарушения личных прав, а иногда и физической неприкосновенности, пока гласность подавлена и самые жгучие вопросы академической жизни ведаются лишь тайной канцелярией, академический вопрос, подобно всем насущным вопросам русской жизни, не разрешим» [30, л. 21]. Глазов прямо указывал на попустительство беспорядкам со стороны профессоров [31, л. 206].

Решение проблемы с преподавательскими кадрами Грингмут видел в принудительном удалении крамольной профессуры из высших учебных заведений и замене её на благонадежную научную элиту. В дальнейшем,

после правильной постановки учебного процесса в гимназиях и университетах, планировалось планомерное формирование патриотично настроенной научной элиты [19, с. 25-27].

Начиная с середины XIX в. происходило формирование национальных государств и идеологий современного типа. Этот процесс сопровождался взрывным развитием средств коммуникации, массовой информации, индустриализацией (в целом - модернизацией). В этих новых условиях контроль за информационными потоками и системой образования становится стратегическим ресурсом государства. Эти меры были ответом на требования времени.

Поскольку образование в новых условиях – стратегический ресурс государства (в первую очередь, кадровый), то в его сферу не должны были попадать революционеры, которые стремились это государство уничтожить. Российские консерваторы осознавали масштаб проблемы. Поэтому они предлагали комплексную стратегию её решения. Она состояла из двух основных направлений: 1.) контроль над народным образованием; 2.) контроль над гимназическим и высшим (университетским) образованием.

Во-первых, нужно было поставить под контроль обучение народа грамоте. Там, где позиции правых были слабы, следовало его избегать. Внушение верноподданнических чувств планировалось обеспечить посредством наглядной агитации; воздействия на чувства и эмоции простых людей. Приоритет должен был отдаваться обучению практическим навыкам (ре-

мёслам), дабы избежать ненужного вольномыслия в народной среде.

В сфере гимназического образования приоритет должен был отдаваться изучению древних языков (классическая система). Таким образом, ум гимназистов приучался к дисциплине, и времени на «занятия крамолой» не оставалось. В результате выпускник гимназии становился верным подданным или же был готов к сугубо научной деятельности в стенах университета.

И, наконец, последним «фильтром» должен был стать университет. Туда, пройдя сквозь гимназическое «сито», попадал благонамеренный студент и далее готовилась патриотически настроенная научная элита (профессура), которая, в свою очередь, обеспечивала себе достойную смену.

В результате государство получало благонадёжный кадровый резерв научной и административной элиты, необходимый для его бесперебойного функционирования.

В итоге, В.А. Грингмут и консервативное настроенные публицисты стремились использовать продукт модернизации (нарождающееся всеобщее стандартизированное образование) для сохранения порядков и устоев традиционного общества. Высшее образование должно было быть поставлено на службу этой же цели. Здесь мы сталкиваемся с противоречием: процесс модернизации вызвал к жизни и другие необратимые изменения в общественном и политическом устройствах. Провал консервативного проекта (в понимании Грингмута и «черной сотни») был неизбежен.

#### Литература и источники

1. Дворянские интересы // Московские ведомости. 1899. № 19.
2. Ростоу В.В. Стадии экономического роста. Нью-Йорк: изд. Фредерик А. Прегер, 1961. 240 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.
4. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. N.Y.; London, 1965.
5. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
6. Геллнер Э. Нации и национализм. М.: Прогресс, 1991. 320 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд. полит. лит-ры, 1972. Т. 14. 564 с.
8. П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. 764 с.
9. ГАРФ. Ф. 1766. («Священная дружина») Оп. 1. Д. 4. Журнал заседания «Священной дружины», устав, записка о деятельности «Св. дружины» по преобразованию её в общество «Добровольной охраны», переписка членов, счета, ведомости и др. документы. (1881-1883 гг.)
10. Де Пуле М. Нигилизм как патологическое явление русской жизни. М.: Университетская тип. (М. Катков), 1881. 53 с.
11. Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М.: Институт русской цивилизации, 2008. 544 с.
12. Грингмут В.А. Семья и школа / Собрание статей В.А. Грингмута / М., 1909. С. 284-288.
13. Дюверже М. Политические партии. М.: Академический Проект, 2002. 560 с.
14. Киселев И.Н., Корелин А.П., Шелохаев В.В. Политические партии в России в 1905-1907 гг.: численность, состав, размещение (количественный анализ) // История СССР. 1990. № 4. С. 71-87.
15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Изд. полит. лит-ры, 1969. Т. 36. 741 с.
16. Меньшиков М.О. Как воскреснет Россия? Избранные статьи. СПб.: Русская симфония, 2007. 672 с.
17. Восстановит ли школа крестьянское благосостояние? // Московские ведомости. 1899. № 20.
18. Пшегорский А.С. Политические взгляды Владимира Андреевича Грингмута: дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1. Тамбов, 2009. 368 с.
19. Собрание статей В.А. Грингмута, 1896-1907 гг. М., 1909. Вып. 2. С. 69.
20. Андреев Д.А. Борьба ревнителей: просветительские альтернативы в начале царствования Николая II // Вестник ПСТГУ Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2012. Вып.1(44). С. 58-74.
21. Собрание статей В.А. Грингмута, 1896-1907 гг. — М., 1910. — Вып. 4.
22. Пшегорский А.С., Сучалкин Е.А. К особенностям символики черносотенцев во время Первой русской революции (на примере Русской Монархической партии) // Клио. 2025. № 11. С. 128-134.
23. Уортман Р.С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии / пер. с англ. И.А. Пильщикова. М.: ОГИ, 2004. Т.2. 796 с.
24. Победоносцев К.П. Воспитание характера в школе. СПб.: Ред. журн. «Нар.образование», 1900. 14 с.
25. Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX— начале XX вв. // Национальная правая пре- жде и теперь: Историко-социологические очерки. Ч.1: Россия и русское зарубежье / СПб. 1992. 171 с.
26. Котов А.Э. Публицисты катковского направления против левого радикализма (вторая половина 1880-х гг.) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2018. Т.11. №2. С. 33-47.
27. Иванов А.А. Вызов национализма: лозунг «Россия для русских» в дореволюционной общественной мысли. СПб.: Владимир Даль, 2016. 511 с.
28. В защиту молодёжи // Московские ведомости. 1899. № 77.
29. Деревня и марксисты // Московские ведомости. 1899. № 75.
30. РГИА. Ф. 922. Оп. 1, Д. 213. Всеподданнейший доклад Глазова В.Г. о наложении взыскания на профессоров и студентов имп. Петербургского университета, принимавших участие в волнениях 7 февраля 1905 г.
31. РГИА. Ф. 922. Оп. 1, Д. 212. Свод заявлений Глазова В.Г., сделанных им в заседаниях Особого Совещания 31 января, 1 и 7 февраля 1905 г. о студенческих волнениях в высших учебных заведениях и о мерах к их прекращению.

#### References

1. Dvoryanskie interesy [Noble Interests]. Moskovskie vedomosti [Moscow Gazette]. 1899. No. 19.

2. Rostow V.V. Stadii ekonomicheskogo rosta [The Stages of Economic Growth]. New York: Frederick A. Praeger Publ., 1961. 240 p.
3. Parsons T. Sistema sovremennykh obshchestv [The System of Modern Societies]. Moscow: Aspekt Press, 1998. 270 p.
4. Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York; London, 1965.
5. Bell D. Gryadushchee postindustrialnoe obshchestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Academia, 2004. 788 p.
6. Gellner E. Natsii i natsionalizm [Nations and Nationalism]. Moscow: Progress, 1991. 320 p.
7. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Moscow: Politizdat Publ., 1972. Vol. 14. 564 p.
8. Stolypin P.A. Programma reform. Dokumenty i materialy [Reform Program. Documents and Materials]. Moscow: ROSSPEN, 2011. Vol. 1. 764 p.
9. GARF. F. 1766 ("Svyashchennaya družhina") Op. 1. D. 4. Zhurnal zasedaniya "Svyashchennoi družiny", ustav, zapiska o deyatelnosti... [Minutes of the "Sacred Brotherhood", charter, memorandum on its activities, correspondence, accounts and other documents] (1881-1883).
- De Poule M. Nigilizm kak patologicheskoe yavlenie russkoi zhizni [Nihilism as a Pathological Phenomenon of Russian Life]. Moscow: University Printing House (M. Katkov), 1881. 53 p.
11. Gringmut V.A. Obedinyaites, lyudi russkie! [Unite, Russian People!]. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2008. 544 p.
12. Gringmut V.A. Semya i shkola [Family and School]. Collection of Articles by V.A. Gringmut. Moscow, 1909. pp. 284-288.
13. Duverger M. Politicheskie partii [Political Parties]. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2002. 560 p.
14. Kiselev I.N., Korelin A.P., Shelokhaev V.V. Politicheskie partii v Rossii v 1905-1907 gg.: chislennost, sostav, razmeshchenie (koli-chestvennyi analiz) [Political Parties in Russia in 1905-1907: Size, Composition, Distribution (Quantitative Analysis)]. Istoriya SSSR [History of the USSR]. 1990. No. 4. pp. 71-87.
15. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenii [Complete Works]. Moscow: Politizdat Publ., 1969. Vol. 36. 741 p.
16. Menshikov M.O. Kak voskresnet Rossiya? Izbrannye statyi [How Will Russia Be Revived? Selected Articles]. St. Petersburg: Russkaya simfoniya, 2007. 672 p.
17. Vosstanovit li shkola krestyanskoe blagosostoyanie? [Will the School Restore Peasant Welfare?]. Moskovskie vedomosti [Moscow Gazette]. 1899. No. 20.
18. Pshogorskii A.S. Politicheskie vzglyady Vladimira Andreevicha Gringmuta [Political Views of Vladimir Andreevich Gringmut]: PhD thesis in History. Tambov, 2009. 368 p.
19. Collection of Articles by V.A. Gringmut, 1896-1907. Moscow, 1909. Issue 2. p. 69.
20. Andreev D.A. Borba revnitelei: prosvetelskie alternativy v nachale tsarstvovaniya Nikolaya II [The Struggle of Zealots: Educational Alternatives at the Beginning of the Reign of Nicholas II]. Vestnik PSTGU. Series 2: History. History of the Russian Orthodox Church. 2012. Issue 1(44). pp. 58-74.
21. Collection of Articles by V.A. Gringmut, 1896-1907. Moscow, 1910. Issue 4.
22. Pshogorskii A.S., Suchalkin E.A. K osobennostyam simvoliki chernosotntsev vo vremya Pervoi russkoi revolyutsii (na primere Russkoi Monarkhicheskoi partii) [On the Features of Black Hundred Symbolism during the First Russian Revolution (on the Example of the Russian Monarchist Party)]. Клио. 2025. No. 11. pp. 128-134.
23. Wortman R.S. Stsenarii vlasti: Mify i tseremonii russkoi monarkhii [Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy]. Moscow: OGI, 2004. Vol. 2. 796 p.
24. Pobedonostsev K.P. Vospitanie kharaktera v shkole [Character Education in School]. St. Petersburg: Narodnoe obrazovanie, 1900. 14 p.
25. Raskin D.I. Ideologiya russkogo pravogo radikalizma v kontse XIX - nachale XX vv. [Ideology of Russian Right-Wing Radicalism in the Late 19th - Early 20th Centuries]. National Right Then and Now: Historical and Sociological Essays. Part 1. St. Petersburg, 1992. 171 p.
26. Kotov A.E. Publitsisty katkovskogo napravleniya protiv levogo radikalizma (vtoraya polovina 1880-kh gg.) [Publicists of the Katkov Direction against Left Radicalism (Second Half of the 1880s)]. Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2018. Vol. II. No. 2. pp. 33-47.
27. Ivanov A.A. Vyzov natsionalizma: lozung "Rossiya dlya russkikh" v dorevolutsionnoi obshchestvennoi mysli [The Challenge of Nationalism: The Slogan "Russia for Russians" in Pre-Revolutionary Social Thought]. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2016. 511 p.
28. V zashchitu molodezhi [In Defense of Youth]. Moskovskie vedomosti [Moscow Gazette]. 1899. No. 77.
29. Derevnya i marksisty [The Village and the Marxists]. Moskovskie vedomosti [Moscow Gazette]. 1899. No. 75.
30. RGIA. F. 922. Op. 1. D. 213. Vsepoddannейshii doklad Glazova V.G. o nalozhenii vzyiskaniya... [Most Humble Report of V.G. Glazov on Disciplinary Measures against Professors and Students of St. Petersburg University for Participation in the Disturbances of February 7, 1905].
31. RGIA. F. 922. Op. 1. D. 212. Svod zayavlenii Glazova V.G... [Summary of Statements by V.G. Glazov at the Special Council Meetings on January 31 and February 1 and 7, 1905 on Student Disturbances and Measures to Suppress Them].